

Ольга БАЛЛА

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ЧЁРНОГО ПАРАДИЗА

Леонид Шевченко. Забвению в лицо / Сост. Б. Кутенков. – М.: ЛитГОСТ, 2022. – 140 с. – (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»)

Леонид Шевченко (1972–2002) – поэт одного поколения, одной исторической ситуации с Борисом Рыжим (родившимся двумя годами позже, в 1974-м). Критик Станислав Секретов в своей рецензии на сборник, которая в момент написания этих строк ещё ждёт своей публикации в журнале «Знамя», назвал их ровесников «поколением травмы».

Сравнений, конечно, не миновать, при всей несравнимости живущих: слишком много общего. И социальные координаты (оба – уроженцы крупных областных центров, Шевченко и родился, и погиб в Волгограде), и темперамент – то, что Цветаева применительно к себе назвала «слишком много тоски и протеста» (Шевченко ещё неуживчивее: в отличие от Рыжего, получившего «с отличием диплом» горного инженера, он не доучился ни на факультете журналистики Волгоградского университета, который после первого же курса оставил ради московского Литературного института, ни в самом Лите, откуда его исключили «за хулиганство». Так и не получив формального образования, работал сторожем, дворником, могильщиком, библиотекарем, журналистом...), острое чувство трагичности времени и удела человеческого как такового, безудержная прямота в выговаривании этого чувства, вообще множество общих интонаций и тем, прежде всего тема смерти, настойчивая у обоих (Шевченко: «просто мы умерли, просто ослепли...», «когда я погибну, меня поцелует Париж», «я надену опять гробовое бельё», «лежать с тобой в одной могиле», «как присутствия на смерти / очертания мои...») и сиамской сестры её, разлуки. Так и хочется поддаться соблазну сказать об общности судьбы, о том, что обоих убило время, хотя Рыжий ушёл из жизни добровольно, а с Шевченко случилось не очень понятно что: в ночь на 25 апреля 2002 года его нашли в нескольких шагах от дома с проломленным виском. Убийц не нашли до сих пор.

Но чем больше общего, тем резче бросаются в глаза различия.

Не уступающий Рыжему в силе отчаяния (уж не превосходящий ли его?), Шевченко глубже, иррациональнее, страшнее. Стихи младшего поэта ещё «отравлены смыслом» (цитата из Шевченко – так он высказался о стихах руководительницы своего литинститутского семинара Татьяны Бек), он ещё целиком в пределах поэтики предыдущей эпохи. Для Шевченко она тоже ещё своя, у него много внутренних отсылок к классикам от Блока до Мандельштама и Заболоцкого, скрытых цитат («Она звучала над базарами, / над тьмой продажной, как в кино...» – «По вечерам над ресторанами / горячий воздух дик и глух...»). Но он эту поэтику уже разламывает – справедливо чувствуя в ней защитную корку, дававшую видимость порядка, в которую, как и в возможность защиты вообще, уже не верится. О новом, катастрофическом времени он говорит не прежним гармоническим языком – горячими его обломками, ещё помнящими прежнюю форму, ещё тоскующими по ней. Он видит хаос, хлынувший в разломы; он стал одним из первых в своём поколении, кто не только чувствовал этот хаос, но стал его выговаривать, искать для него язык. Иногда – редко, но тем не менее – он вдруг заговаривает языком, заставляющим вспомнить потаённые блокадные стихи Геннадия Гора, которые при жизни Леонида ещё и не были обнаружены. Он прорывался уже в совсем другие измерения.

Мы вышли из чёрного парадиза,

и что-то там произошло потом,
а на плече твоём – ручная крыса,
паук весёлый на плече моём,
паук весёлый. Почему не птица?
В начале этого, а не другого дня?
Стеклянные двоящиеся лица
из прошлого смотрели на меня.
Вставные челюсти, неполные стаканы,
во лбу кондуктора голубоватый глаз.
В песочнице сидали истуканы,
в лото играли, материли нас.

И если говорить о поколении, к которому принадлежал Шевченко, его, кажется, стоило бы назвать поколением не травмы, но разлома, катастрофически-плодотворного пограничья между культурными эпохами – для поэтической работы которого травма стала стимулом и рабочим материалом. Возможно ли говорить о работе с бедой? Безусловно. Беда даёт особенную, последнюю смелость.

О Парацельс, двуногий человек,
Микель-Анджело янтаря и мяты,
алхимик добрый, где они,
родные берега и голубые рощи,
где мы в пятнадцать юношеских лет
на водопой гоняли лошадей,
– там рыщут современные хирурги
и стоматологи на дереве живут!

Предыдущее поколение таким языком ещё не говорило.

Шевченко называли «социальным» поэтом. Это правда лишь отчасти, тем более что на социальные темы он имел множество возможностей высказываться как журналист. Он выходил за пределы социального. Чувствовал сквозняк надмирного, холод метафизических основ.

И всё, что случилось, бормочется вслух,
И облачность дышит ненастьем,
а где-то ещё притаился пастух
с улыбкой и тонким запястьем,
и он улетает, и смотрит вперёд
не помня в небесной юдоли
их белые крылья, их внятный уход.
Уже Апокалипсис, что ли?

Не вписался во время? – В каком-то смысле, конечно (время и само не слишком располагало к тому, чтобы в него вписываться). Но душевное его устройство было таково, что он бы, кажется, ни в какое время не вписался.